

УДК 008

Лыкова Н. Н.,

доцент, к. культурологии

Крымский филиал Российского государственного университета
правосудия,

Симферополь, Республика Крым

Синица Д. А.

доцент, кандидат филологических наук

Крымский институт бизнеса,

Симферополь, Республика Крым;

МОНАСТЫРСКАЯ КУЛЬТУРА СРЕДНЕВЕКОВОГО КРЫМА: ДУХОВНЫЕ СВЯТЫНИ ВИЗАНТИИ И ТАВРИКИ

Основным социальным институтом трансляции образования в Средние века являлись монастыри. Мотивация для его получения была различной. Как отмечал Ф. Бэкон, «...одни люди стремятся к знанию в силу врожденного и беспредельного любопытства, другие – ради удовольствия, третьи – чтобы приобрести авторитет, четвертые – чтобы одержать верх в состязании и споре, большинство – ради материальной выгоды и лишь очень немногие – для того, чтобы данный им от Бога дар разума направить на пользу человеческому роду» [3, с. 115]. Следует отметить практически полное неучастие государства в предоставлении образовательных услуг и организации обучения. Центры распространения образованности были, по выражению Ж. Ле Гоффа, лишь «престижной корпорацией» [9, с. 129].

Одним из регионов средневековой Ойкумены являлся Крым. Многоаспектность здешней культуры во многом детерминировалась спецификой духовной жизни XIII – XV веков, своеобразием культурно-исторической ситуации в Западной и Восточной Европе, противоречивостью самих процессов становления христианской культуры. Специфику последней в сравнении с духовной жизнью других локальных цивилизаций ещё в 1937 году выявил видный представитель философской и культурологической мысли русского послеоктябрьского Зарубежья И. А. Ильин в работе «Основы христианской культуры» [8].

Эволюция мировоззрения и средств трансляции социального опыта новым поколениям происходили в этот период в Крыму и

Византии в основном параллельно. Однако духовный центр восточной ветви христианства всё-таки опережал Таврику в культурной эволюции и потому оказывал на данный регион определяющее влияние. Процессы культурного синтеза, основанного на взаимопроникновении знаний, ценностей и норм Западной и Восточной Европы проходили на названных территориях с высокой степенью чёткости и определенности.

На это взаимопроникновение огромное влияние оказал так называемый «Палеологовский ренессанс (возрождение)» - период в истории византийской культуры с 1261 по 1453 гг. В её толще закладывались элементы новых культурных традиций, хотя они вначале и сосуществовали со старыми. И здесь трудно обойти вниманием тот факт, что «Палеологовское возрождение» в большей степени влияло на Крым, нежели на многие иные территории, входившие в состав Восточной римской империи или вовлечённые в её «сферу влияния», например, Сербию [2].

Наличие самых разнообразных культурных контактов Таврики и Византии широко известно. В большинстве случаев инициатором установления связей, причём не только в сфере культуры, но и в области политики и экономики являлся Константинополь, нуждавшийся в притоке материальных средств. Никогда не прекращались и церковные взаимоотношения Таврики с Византией [6, с. 180]. Систематические культурные связи Таврики с Восточной римской империей зафиксированы в ряде средневековых документов.

В VII веке произошло арабское завоевание Египта и Палестины, в результате чего резко сократилось количества христианских монастырей на Ближнем Востоке и в Северной Африке. Это привело к перемещению центров монашества в иные регионы. Увеличению влияния монастырей способствовало покровительство по отношению к ним со стороны императорской власти Византии. При столь значительной активизации монастырей в Восточной римской империи, Таврика не могла не испытать на себе влияние с их стороны. Напористая внешняя политика властей Константинополя, приведшая к укреплению Византией своего положения в Восточном Средиземноморье, содействовала продвижению христианства в новые регионы, включая Крым [13, с. 18 – 19].

Ставшие столь характерными для Крымского полуострова «скальные» монастыри имеют как раз византийские истоки. На территории Восточной римской империи ещё в конце IX – начале XI вв. стали появляться отшельнические кельи и небольшие скиты. Позже на их основе началось строительство храмов и монастырей.

Аналогичные крымским «скальные» памятники во множестве представлены в Каппадокии – исторической области на востоке Малой Азии, на территории современной Турции. Там известно более шести сот «пещерных» церквей [18, с. 7]. Большинство «скальных» объектов культового назначения относятся к концу IX – X веку. Что же касается собственно христианских монастырей, то они стали возникать лишь в XI столетии [18, с. 23 – 34].

Новый импульс развитию монастырской культуры в Византии придала окончательная отмена иконоборчества в 842 году. По мнению видного российского византиниста, историка церкви и церковного права И. И. Соколова (1865 – 1939), «Византия <...> надолго упрочила за собой наименование монашеского царства» [12, с. 39].

Нужно обратить внимание на то, что возникновение именно «скальных» монастырей ни в коем случае не было мотивировано нехваткой средств или угрозой со стороны каких-либо врагов. Исследователи подчёркивают, что «пещерные» обители создавались в стабильные периоды, когда монастыри располагали значительными денежными ресурсами, а их безопасности ничто не угрожало [15, с. 33]. Внешние условия позволяли тогда монахам не прятаться в глухие места, а безбоязненно основывать свои обители, вести хозяйство, принимать паломников и заниматься образовательной и просветительской деятельностью.

В X веке христианство победило и закрепило статус ведущей религиозной конфессии на территориях прибрежной и горной частей Крыма. Их заселяло преимущественно грекоязычное, готское и аланское (ираноязычное) население. Впрочем, проникала христианская вера и в тюркоязычную среду.

XI столетие ознаменовалось новым этапом развития культуры Византии. Произошла определённая стабилизация духовной жизни общества и систематизация догм и канонов христианского богослужения [14, с. 125]. Нельзя обойти вниманием и общий экономический подъём в Восточной римской империи. Он привёл к появлению значительной прослойки состоятельных людей, которые выделяли значительные денежные средства на строительство и содержание монастырей, в том числе и «пещерных».

Кризис Византии XIII века, повлекший создание на её территории после 1204 года нескольких государств, в значительной степени повлиял на положение в Крыму, который оказался в сфере влияния Трапезундской империи Великих Комнинов. Взаимоотношения Юго-западной Таврики и новой метрополии качественно отличались от их контактов периода расцвета

полуострова в X веке. И в Крыму [16, с. 43], и в самой Византии XIII век отмечен активизацией процессов феодальной раздробленности.

Одним из её результатов на полуострове явилось появление княжества Феодоро. Его правители, по мнению видного русского филолога-германиста немецкого происхождения Ф. А. Брауна (1862—1942), происходили из Трапезунда, из армянского рода Гаврасов и появились в Таврике ещё в XIII в., а затем основали в юго-западном районе полуострова названное княжество. Появление в регионе одного из Гаврасов, Константина, изгнанного из Трапезунда и сосланного в Херсонес, датируется 1130 годом [17, с. 44 – 45].

Старые феодальные владения херсонесской знати в Юго-Западной части края, отошедшие к роду Гаврасов, стали ядром нового княжества, относительно обособленного от распадавшейся Византии и культурно, экономически, политически тяготевшего к Трапезунду. Оно в конце XIV – начале XV веков вступило в новый период своего существования под эгидой греческих князей.

Отсутствие политической конкуренции со стороны Херсонеса Таврического и слабая активность здесь генуэзцев способствовали усилению этого феодального образования [1, с. 18 – 23]. Князь Феодоро Алексей расширил свои владения, захватив приморские территории в окрестностях Херсонеса. Это стало началом реализации осуществления его политической программы, выраженной в его титуле «Владелец города Феодоро и Поморья». Он планировал получить контроль и над остальными территориями генуэзцев и в 1433 году с татарской поддержкой взял у них Чембало, который, однако, через год ему пришлось оставить [10, с. 29 – 34].

Возникновение княжества Феодоро и союзного ему Крымского ханства позволило вновь стабилизировать ситуацию в регионе, что вызвало новый культурный подъём и активизацию монастырской деятельности. XIII – XV вв. отмечаются экономическим благосостоянием общества, в результате которого появилась большая прослойка населения, имевшая возможность финансировать создание монастырей и церквей за счёт личных средств [11, с. 104].

Планировалось создание монастырского центра, в котором бы сосредоточилась просветительская и образовательная деятельность, наподобие, к примеру, Афона, Олимпии [18, с. 8]. Однако вовлечение Крыма в орбиту влияния Османской Турции в 1476 г. сорвало эти планы.

Образование княжества Феодоро ускорило усилило христианизацию населения, ставшую полной в XIII – XV вв., и создало предпосылки для развития монастырской культуры.

Монастыри сами стали выступать феодальными собственниками, что способствовало осуществлению ими образовательной деятельности. Говоря об их культуртрегерской роли, следует отметить не автохтонный, а преимущественно заимствованный из Византии характер их культуры. Византийское культурное влияние восходило ещё к временам иконоборчества, когда преследуемые в метрополии иконопочитатели находили пристанище на полуострове [13, с. 19]. Позднее на культурные устремления князей Феодоро повлияло и их родство с представителями знатных византийских фамилий и самого императорского дома [16, с. 33 – 34].

По меткому мнению видного отечественного археолога Е. В. Веймарна (1905 – 1990), «именно здесь произошло соприкосновение с древнейшими цивилизациями Восточного Средиземноморья и Ближнего Востока. В средние века Юго-Западному Крыму и сложившимся на его территории государственным образованиям, прежде всего княжеству Феодоро, выпало осуществить культурную преемственность между Византией и выходящей на историческую арену Русью» [100, с. 7]. При этом культурно-просветительское влияние христианской церкви и монастырей, ориентировало полиэтничное население Таврики на Константинопольский патриархат, на Византию в целом [13, с. 46]. Благодаря этому Крым сыграл роль «культурного моста» между Византией, Русью и странами Западной Европы [153, с. 50].

Выводы. В отсутствие университетской образовательной системы роль институтов трансляции знаний, ценностей и норм поведения новым поколениям в средневековом Крыму играли христианские монастыри. Традиция монастырской культуры была получена путём «культурного транзита» из Византии, причём полуостров являлся цивилизационным «мостом» между регионами, этносами и конфессиями.

Список литературы:

1. Бертье-Делагард А.Л. Каламита и Феодоро // ИТУАК. – Симферополь, 1918. – Вып. 57. – С. 6 – 34.
2. Бычков В. В. К проблеме эстетической значимости искусства византийского региона // Зограф: Часопис за средњовековну уметност. – Београд. – 1983. - № 14. – С. 22 – 26.
3. Бэкон Ф. Сочинения. – М.: Мысль, 1977. – Т. 1. – 567 с.
4. Васильев М.А. История Византийской империи. – Т.1. – СПб.: Алетейя, 1998. – 302 с.

5. Веймарн Е.В., Чорев М.Я. Корабль на Каче. – Симферополь: Таврия, 1976. – 92 с.
6. Грабарь И. Э. История русского искусства. В 6 томах. – Т. 1. – М.: Издание Кнебель. – 508 с.
7. Домбровский О.И. Фрески средневекового Крыма. – К.: Наукова думка, 1966. – 104 с.
8. Ильин И. А. Основы христианской культуры. – Мюнхен: Изд-во Братства Преп. Иова Почаевского, 1990. – 21 с.
9. Ле Гофф Ж. Другое средневековье. Время, труд и культура Запада. – Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2002 – 328 с.
10. Малицкий Н.В. Заметки по эпиграфике Мангупа 1933. – Л.: ГАИМК, 1933. – 48 с.
11. Могаричев Ю.М. Пещерные церкви Таврики. – Симферополь: Таврия, 1977. – 382 с.
12. Соколов И. И. Состояние монашества в Византийской Церкви с середины IX до начала XIII века (824 – 1204). — СПб.: «Издательство Олега Абышко». — 2003. – 464 с.
13. Тур В. Г. Крымские православные монастыри XIX – начала XX в. – Симферополь: Таврида, 1998. – 179 с.
14. Удальцова З. В. Византийская культура. — М.: Наука, 1988. — 289 с.
15. Философия русского религиозного искусства XVI – XX вв. Антология / Под ред. Н. К. Гаврюшина. – М.: Прогресс, 1993. – 400 с.
16. Якобсон А. Л. Средневековый Херсонес XII – XIV вв.). – М.: Наука, 1950. – 363 с.
17. Braun F. A. Die letzten Schicksale der Krimgoten. Jahresbericht der Reformierten Kirchenschule für 1889–1890. – SPb: [б. и.], 1890. – 130 s.
18. Rodley L. Cave monasteries of Byzantine Cappadocia. – New York: Cambridge University Press. 1985. – 266 p.

